

О понятии «перевод» в трудах Юрия Лотмана

Сильви Салупере

Department of Semiotics, University of Tartu
Tiigi str. 78, 50410 Tartu, Estonia
e-mail: silvi.salupere@ut.ee

Abstract. The notion of “translation” in the works of Juri Lotman. The present article deals with the concept of “translation“ and other related concepts (“re-codification”, “exact translation”, “adequate translation”, “equivalence”, “transformation”) in the works of Juri Lotman, demonstrating among other things possible relations with the ideas of Roman Jakobson and Louis Hjelmslev. Two main areas of research have been distinguished where the concept of “translation” clearly stands out. First are Juri Lotman’s works on structural poetics, where he discusses mainly the specifics of translating artistic texts. The other is his articles on the typology of cultures where translation is seen as a dialogue, the principal operational mechanism of culture.

Искать имя Ю. М. Лотмана в справочниках по переводу — занятие бесполезное. В числе теоретиков перевода мы его не найдем. В то же время, «перевод» и близкие к нему термины в трудах Лотмана занимают важное место, зачастую образуя некий «контрапункт» его теоретических изысканий.

Можно выделить два «пика» в динамике появления слова «перевод» на страницах трудов Лотмана. Первый связан с увлечением Лотмана структуралистской поэтикой, с появлением «трилогии», куда входят «Лекции по структуральной поэтике: Введение. Теория стиха» (1964), «Структура художественного текста» (1970) и «Анализ поэтического текста: Структура стиха» (1972). Рассмотрение их в качестве трилогии вполне оправдано,

так как вторая монография¹ является доработанным и дополненным вариантом первого, а третья книга на ту же тему была предназначена для «студентов, преподавателей вузов и учителей-словесников». При сравнении этих трех книг наибольшее число текстовых совпадений наблюдается в первой и третьей.

Второй пик связан с размышлениями над феноменом культуры, над ее типологическими характеристиками. Если в «трилогии» слово «перевод» появлялось преимущественно в своем, так сказать, классическом, литературоведческом значении, то в группе текстов «второго пика», культуролого-типологического, «перевод» используется Лотманом в более обобщенном смысле. Вообще, хронологическое разделение тут неправомерно, так как на временной оси эти тексты сосуществуют, идут параллельно.² К тому же Лотман постоянно «цитирует» самого себя, одни и те же мысли повторяются с разными вариациями во множестве работ (особенно это касается «сквозных» тем и понятий, а к таким, несомненно, относится и «перевод»).

Важно то, что в обоих случаях Лотман для разъяснения своих основных положений пользуется понятием перевода, и в силу разности контекстов это понятие получает разное содержание. Именно эти изменения мы и попытаемся в дальнейшем проследить.

Перевод — перекодировка

В рамках «трилогии» правомерно рассматривать случай применения термина «перевод» наряду с «перекодировкой», т. к., если в «Лекциях по структуральной поэтике» (в дальнейшем ЛСП) встречается только «перевод» (кончается эта книга главой «Проблема стихового перевода»), то в «Структуре художествен-

¹ Для специалистов, как охарактеризовал это издание М. Л. Гаспаров (Гаспаров 1994: 11).

² Мы решили исключить из данного обзора «Тезисы к семиотическому изучению культур» (Иванов и др. 1998), т. к. нельзя с уверенностью сказать, какие мысли тезисов принадлежат конкретно Лотману, а какие — его соавторам. В то же время именно здесь можно найти такие понятия, которые напрямую связаны с нашей темой (трансляция, трансформация, транспонирование).

ного текста» (СХТ) главенствует «перекодировка». В «Анализе поэтического текста» (АПТ) употребление обоих слов сходит на нет, что можно объяснить тем, что в АПТ доля теории — меньшая, чем в двух других книгах, главное внимание тут направлено на конкретный анализ стихотворного текста.

Сразу нужно оговориться, что говоря о переводе (т. е. пытаясь его теоретически осмыслить; случаи «ненаучного» использования нами не учитывались), Лотман имеет в виду стихотворный перевод, так как в «трилогии» именно поэзия является объектом его исследования. В то же время многие теоретические предпосылки Лотмана безусловно касаются и применимы к художественному тексту как таковому.

Важными составляющими структуральной поэтики Лотмана являются понятия структур содержания и выражения; с этими понятиями неразрывно связаны и рассуждения Лотмана о точном и адекватном переводе, о чем пойдет речь ниже.

В структуре выражения основную роль играет фонологическая структура языка:

Все фонемы языка воспринимаются во взаимной соотнесенности, в системе, которая в стихе становится структурой содержания [...]. Поскольку национально-своеобразная фонологическая структура текста становится в поэзии основой конструкции понятий, неперевода-национальная природа сознания выражается в поэзии с значительно большей силой, чем в нехудожественном тексте. (Лотман 1964: 109)

Дальше он подтверждает свою мысль, утверждая, что лексико-семантическая значимость фонем и морфем в поэтической речи значительно выше, чем в непозитической, поэтому в поэтической речи «структура выражения становится структурой содержания» (там же, 110). Это обстоятельство связано и с вводимым Лотманом термином «архисема», который

образован по аналогии с «архифонемой» Трубецкого для определения на уровне значений единицы, включающей все общие элементы лексико-семантической оппозиции. «Архисема» имеет две стороны: она указывает на общее в семантике членов оппозиции и, одновременно, выделяет дифференцирующие элементы каждого из них. (Лотман 1964: 102)

Как архифонема, так и архисема являются конструктами, т. е. архисема не дана в тексте непосредственно. Архисема является

единицей структуры содержания, но ее появление невозможно «вне данной языковой структуры выражения» (там же, 110).

Исходя из вышесказанного, получается, что для Лотмана в поэтическом тексте основное ударение падает на структуру содержания, которая как бы «втягивает» в себя и структуру выражения.

Более подробно вопросы, касающиеся перевода, освещаются в СХТ. Первые четыре главы книги, где даются теоретические предпосылки изучения структуры художественного текста, являются новыми по сравнению с ЛСП. Изменился и применяемый метаязык. В интересующем нас смысловом поле появились два термина: «перекодировка» и «перевод». Причем именно «перекодировка» вводится как термин, с множественными объяснениями. Сдвиг этот можно объяснить тем, что под влиянием теории информации в структуралистских трудах разделение «код — сообщение» заменило основополагающую сосюр-рианскую дихотомию «язык — речь». Как объясняет сам Лотман:

язык выступает как некоторый код, при помощи которого воспринимающий дешифрует значение интересующего его сообщения. В этом смысле, позволяя себе известную степень неточности, можно отождествлять разделение системы на «речь» и «язык» в структурной лингвистике и «сообщение» и «код» в теории информации. (Лотман 1998: 25)

В СХТ (возможно, что под влиянием Ельмслева, на которого имеется ссылка) вместо «структуры выражения» и «структуры содержания» Лотман теперь пользуется преимущественно «планом/системой выражения» и «планом/системой содержания»³ (справедливости ради надо сказать, что «план выражения» один раз встретился и в ЛСП (Лотман 1964: 109)).

«Перекодировка» (так же, как в ЛСП «перевод») соотносится с системой как выражения, так и содержания. Ср: «Перекодировка одной системы выражения в другую (напр. звуковой в графическую)» (Лотман 1998: 46), или:

³ Истоки отождествления «системы» и «структуры» можно найти уже у Фердинанда де Соссюра, который в своем «Курсе общей лингвистики» повсеместно пользуется словом «система», имея в виду именно то, что в структурализме стали называть «структурой» (это отчетливо видно хотя бы по предметному указателю к «Курсу» — см.: Соссюр 1977: 684–685).

Чрезвычайно плодотворная в большинстве случаев и возникающая в связи с интердисциплинарными проблемами перекодировка с одного языка на другой или раскрывает в одном, как прежде казалось, объекте объекты двух наук, или ведет к созданию новой области познания, с новым, ей присущим метаязыком. (Лотман 1998: 30)

В этом высказывании можно увидеть сходство с «интралингвистическим переводом» Романа Якобсона.⁴

Утверждая сразу после этого, что «естественный язык в принципе допускает перевод» (там же, 30), Лотман проводит более или менее четкую грань между «языком» (художественного текста, культуры, мира) и «естественным языком». Это разделение в более поздних текстах становится четче.⁵ Различение это видно и на фоне фундаментального для ТМК понятия моделирующей системы:

6.1.3. Как система систем, базирующаяся, в конечном счете, на естественном языке (это и имеется в виду в термине «вторичные моделирующие системы», которые противопоставляются «первичной системе», то есть естественному языку), культура может рассматриваться как иерархия попарно соотнесенных семиотических систем, корреляция между которыми в значительной степени реализуется через соотнесение с системой естественного языка. (Иванов и др. 1998 [1973]: 26)

Далее перекодировка напрямую связывается с проблемой содержания:

При перекодировке между определенными парами элементов, разными по своей природе, будут устанавливаться соответствия, причем один элемент в своей системе будет восприниматься как эквивалентный

⁴ «Внутриязыковой перевод, или переименование — интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» (Якобсон 1978: 17).

⁵ Вспомним известное высказывание Лотмана: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык — это код плюс его история» (Лотман 1992: 13).

другому в его системе. Подобное пересечение двух цепочек структур [имеются в виду план выражения и план содержания — С. С.] в некоей общей двуединой точке мы будем называть знаком, причем вторая из цепочек — та, с которой устанавливается соответствие, — будет выступать как содержание, а первая — как выражение. Следовательно, проблема содержания есть всегда проблема перекодировки.⁶ (Лотман 1998: 46)

Прямое указание на статью Якобсона, где приводится известное разделение трех типов перевода (интер- и интралингвистический и интерсемиотический) позволяет провести сравнение между этим разделением и предлагаемой Лотманом классификацией разных типов перекодировки, тем более, что тут имеются семантически похожие элементы: внутренние/внешние у Лотмана, интра- и интер- у Якобсона. При ближайшем рассмотрении не так все просто и однозначно.

Лотман выделяет **внутреннюю перекодировку**, в которой участвуют:

семиотические системы, претендующие на универсальность, которые принципиально не допускают подстановки значений из структуры другого рода. Здесь мы будем иметь дело с реляционными значениями, возникающими в результате выражения одного элемента через другие внутри одной системы. (Лотман 1998: 47)

В схеме Якобсона этому, на первый взгляд, соответствует интралингвистический перевод. Но в качестве примеров Лотман приводит здесь математические выражения и непрограммную и не связанную с текстом музыку, т. е. никак не «лингвистические» системы, что скорее напоминает одноплановую семиотику или символические системы Л. Ельмслева, тем более, что приведенные примеры совпадают:

[...] могут ли быть определены с этой точки зрения как семиотики, например, так называемые символические системы математики и логики или некоторых видов искусства, например музыки. [...] Термин **символические системы** предполагается использовать для таких структур, которые могут быть интерпретированы (т. е. которым может быть подчинен материал содержания), но которые не являются двупла-

⁶ В сноске Лотмана среди прочих авторов указывается и статья Романа Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» (Якобсон 1978 [1959]).

новыми (т. е. при наличии которых принцип простоты не позволяет нам энкатализовать форму и содержание). (Ельмслев 1960: 367, 368)

Внешняя перекодировка (в которой «эквивалентные элементы образуют пары, объединяемые в знаки. [...] эквивалентными оказываются разнотипные структуры») разделяется, в свою очередь, на **парную внешнюю перекодировку**, где происходит «сближение двух рядов [цепочек плана выражения и плана содержания — С. С.] — наиболее распространенный случай образования значений в естественных языках» (Лотман 1998: 48). Приведенный Якобсоном интерлингвистический перевод⁷ здесь рассматривается как один из примеров такой перекодировки, где «эквивалентными оказываются разнотипные структуры»:

Хотя трудно установить принципиальную разницу между такими видами перекодировки, как перевод звуковой формы в графическую или с одного языка на другой, с одной стороны, и дешифровка содержания, с другой, однако очевидно, что чем дальше отстоят взаимоуравняемые в процессе перекодировки структуры друг от друга, чем отличное их природа, тем содержательнее будет сам акт переключения из одной системы в другую. (Лотман 1998: 48)

Таким образом, однотипными оказываются как операция перекодировки со звуковой формы на графическую (т. е. в рамках плана выражения), так и перевод с одного языка на другой, что очередной раз служит для нас доказательством того, что «перевод» здесь понимается как просто пере-вод.

Наконец, во вторичных моделирующих системах наблюдаются и **множественные внешние перекодировки**, характеризующиеся:

сближением не двух, а многих самостоятельных структур, причем знак будет составлять уже не эквивалентную пару, а пучок взаимоэквивалентных элементов разных систем. (Лотман 1998: 48)

⁷ «Межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка» (Якобсон 1978: 17).

Тут можно уловить сходство с интерсемиотическим переводом Якобсона⁸, а также с многоплановыми (коннотативными) семиотиками Ельмслева (особенно, если принять во внимание, что речь здесь идет о «вторичных моделирующих системах»):

Итак, представляется правильным рассматривать коннотаторы как содержание, для которого денотативная семиотика [ею может быть естественный язык — С. С.] служит выражением, и обозначать это содержание и это выражение как **семиотику**, именно **коннотативную семиотику**. (Ельмслев 1960: 373)

На первый взгляд туманное утверждение:

планы выражения и содержания (если не касаться вопроса об их обратимости) более или менее естественно выделяются при перекодировках третьего типа. Остальные же случаи (внутренние и множественные внешние) по сути дела, не поддаются подобной интерпретации. (Лотман 1998: 48)

подтверждает нашу мысль, что влияние Ельмслева здесь более существенно, чем влияние Якобсона. Для Лотмана важнее подчеркнуть семиотический аспект перекодировки, а не переводческий.

Проблема перекодировки для него настолько важна, что впоследствии он возвращается к ней снова, теперь уже в связи с проблемой эквивалентности:

Перекодировка органически связана с проблемой эквивалентности. Вопрос этот приобретает особое значение в связи с тем, что эквивалентность элементов на различных уровнях является одним из основных организующих принципов поэзии и, шире, художественной структуры вообще. (Лотман 1998: 56)

Перекодировка элементов одного структурного уровня средствами другого в художественных структурах называется «внутренней семантикой» (Лотман 1998: 83). Лотман заново определяет «внутреннюю перекодировку», уточняя, что внутренней она является с точки зрения данного уровня и что «ее можно

⁸ «Межсемиотический перевод, или трансмутация, — интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» (Якобсон 1978: 17).

рассматривать как частный случай построения текста по синтагматической оси», а также то, что она подчинена «временной последовательности» (там же). Это подтверждает сделанное выше предположение, что тут главенствует именно план выражения.

Трансформируется и понятие «внешней перекодировки», которая уже не разделяется на два подвида и является частным случаем «построения текста по парадигматической оси (оси эквивалентностей)» (Лотман 1998: 83), т. е. на первое место выходит план содержания.

Весьма интересной и многообещающей выглядит предложенная Лотманом система определения эквивалентности перевода. Сначала проводится подробный анализ фонологического уровня стиха (примером служит четверостишие Цветаевой). Лотман выявляет фонологическую упорядоченность текста, располагая в таблице пары слов по возрастанию мощности (совпадение фонем в сегменте) (Лотман 1998: 90–92). Далее предлагается составить подобные таблицы и на следующих уровнях (грамматическом, лексико-семантическом, интонационном, синтаксическом и др.) так, чтобы получилась

наиболее объективная картина связанности элементов в тексте. Видимо, наибольшая связанность на одних уровнях и наименьшая на других создают наиболее выгодные условия для возникновения вторичных значений. Этим мы, во-первых, получаем критерии степени организованности текста (что может быть очень полезным при **определении эквивалентности перевода** [выделено мною — С. С.], поскольку величина мощности перекрещивающихся подмножеств переводного текста неизбежно будет расходиться с оригиналом, однако степень та же, что и в подлиннике, связанности семантических сегментов может достигаться за счет регулировки конструкции других уровней). (Лотман 1998: 93)

Конечно, такая программа очень трудоемкая и на практике трудновыполнимая. Все же, первые попытки уже имеются. Нам кажется, что наиболее близко к реализации такого подхода к определению эквивалентности перевода подошел Михаил Леонидович Гаспаров (Гаспаров 2001 [1975]).

Рассуждения Лотмана о «перекодировке» и «переводе» в СХТ привлекли внимание и Ренаты Лахманн в ее статье о ценностных аспектах семиотики культуры Лотмана:

В одном месте, подчеркивая роль «перекодировки», [Лотман] даже говорит о возможности установления однозначного смысла художественного текста путем перевода его содержания на нехудожественный язык. (Лахманн 1995: 13)

Упомянутая цитата Лотмана выглядит так: «Следовательно, строго однозначное определение значения художественной модели возможно лишь в порядке перекодировки ее на язык нехудожественных моделирующих систем» (Лотман 1998: 77). Нам кажется, что тут смысловое ударение падает на «строго однозначное», а не на «перекодировку». И что Лотман имеет в виду, что в художественной модели сосуществуют разные значения, которые «мерцают», «создавая игровой эффект». При перекодировке на нехудожественный язык мы получаем лишь одно из возможных значений, и при этом всегда остается «непереведенный» остаток (там же).⁹ Неправомерной представляется и замена «языка нехудожественных моделирующих систем» Ренатой Лахманн на «нехудожественный язык». Ведь в таком случае высказанная на следующей странице мысль Лотмана:

художественные и нехудожественные модели обладают разной величиной измерений. Перекодировка дву- или многоплановых художественных текстов на любой одноплановый нехудожественный язык¹⁰ не даст отношения однозначного соответствия. (Лотман 1998: 78)

опровергает интерпретацию Лахманн¹¹. Наоборот, этим примером мы хотим подчеркнуть, что тексты Лотмана по многим параметрам близки к художественным, и поэтому позволяют многочисленные интерпретации на нехудожественном (научном?) языке.

⁹ Хорошо иллюстрирует мысль Лотмана приведенный им же пример: «Вероятно, все исторически имевшие место истолкования «Евгения Онегина», если к ним прибавить те, которые еще возникнут, [...] будут составлять область значений пушкинского романа в переводе на нехудожественный язык» (Лотман 1998: 78).

¹⁰ Интересный вопрос о том, каким может быть этот «любой одноплановый нехудожественный язык» остается за рамками настоящей статьи.

¹¹ Тем более, что в упомянутой статье Лахманн содержится множество интересных наблюдений и конструктивной критики, касающихся лотмановского понимания эквивалентности, перекодировки, структур выражения и содержания.

Итак, наиболее насыщенным текстом по интересующему нас вопросу оказалась СХТ. В третьем тексте трилогии, АПТ, «перекодировка» встречается только два раза и ничего нового к вышесказанному не прибавляет, а слово «перевод» появляется только в его повседневном значении, без теоретической рефлексии. В то же время, именно тут имеется ссылка на классику переводоведения — книгу И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» (Москва, 1964), — но только как на один из источников, откуда можно почерпнуть «знание основных положений современного языкознания», необходимое «для понимания дальнейшего материала» (Лотман 1972: 21). Тем не менее, у нас есть все основания предполагать, что как эта книга, так и другие издававшиеся в 1960-е годы публикации по тематике (машинного) перевода были доступны Лотману и вопросы эти обсуждались в рамках ТМШ (среди наиболее увлеченных этой тематикой можно назвать Вячеслава Вс. Иванова и Исаака Ревзина). Несомненно это влияние чувствуется в размышлениях Лотмана над вопросами эквивалентности, точного и адекватного перевода.

Точный – адекватный перевод

Впервые различие между точным и адекватным переводом вводится Лотманом уже в ЛСП:

самый точный перевод поэтического текста воспроизводит лишь структуру содержания в той ее части, которая обща у поэтической и непоэтической речи. Те же семантические связи и противопоставления содержания, которые возникают в результате семантизации структуры выражения, заменяются иными. Они непереводимы, как непереводимы идиомы в структуре содержания. [...] Поэтому применительно к поэтическому тексту правильнее говорить не о точном переводе, а о стремлении к функциональной адекватности. (Лотман 1964: 110)

Лотман здесь не уточняет, что он имеет в виду под «точным переводом» (в противопоставлении «адекватному»). Нам кажется, что в СХТ, где Лотман говорит о разной природе эквивалентности во вторичных моделирующих системах и в структурах первичного (лингвистического) типа, можно найти ответ на этот

вопрос. Итак, в естественном языке (ведь именно это имеется в виду под «структурами первичного типа»)

эквивалентными (на семантическом уровне) считаются элементы, однозначные по отношению к общему денотату, ко всей семантической системе в целом и к любому ее элементу, ведущие себя одинаково в одинаковом окружении и, как следствие, поддающиеся взаимной перестановке. При этом необходимо учитывать, что значительно чаще, чем полная семантическая эквивалентность, с которой в основном будет иметь дело переводчик, а не человек, производящий семантические трансформации в пределах одного языка, встречается семантическая эквивалентность на определенном уровне. (Лотман 1998: 56)

Таким образом именно «полная семантическая эквивалентность», т. е. однозначность по отношению к «общему денотату» составляет суть понятия «точного перевода» для Лотмана.

Много места отведено вопросам «точного перевода» в одной из программных статей Лотмана «Феномен культуры» (1978). Если присмотреться, то налицо сходство с только что приведенной цитатой из ЛСП: опять говорится о плане содержания и выражения, вновь сопоставляются точный и адекватный переводы:

Представим себе два языка, L1 и L2, устроенные принципиально столь различным образом, что **точный перевод** [выделено мною — С. С.] с одного на другой представляется вообще невозможным. Предположим, что один из них будет языком с дискретными знаковыми единицами, имеющими стабильные значения, и с линейной последовательностью синтагматической организации текста, а другой будет характеризоваться недискретностью и пространственной (континуальной) организацией элементов. Соответственно и планы содержания этих языков будут построены принципиально различным образом. [Эта мысль является сомнительной, не видно ни одной очевидной причины, почему должна быть **принципиальная** разница в планах содержания. — С. С.] В случае, если нам потребуется передать текст на языке L1 средствами языка L2, ни о каком точном переводе не может идти речи. В лучшем случае возникнет текст, который в отношении к некоторому культурному контексту сможет рассматриваться как адекватный первому. (Лотман 2000с: 569)

Но еще больший интерес представляют изменения. Прежде всего нужно обратить внимание на понятие «язык», под которым тут имеется в виду не естественный язык, а «язык» в более широком,

семиотическом смысле (как Лотман, например, говорит о «языках культуры»). В то же время, описание языка L1 соответствует пониманию естественного языка, а язык L2 может быть, например, каким-нибудь визуальным языком или музыкальным, где трудно выделить дискретные единицы.

Но можно интерпретировать это и таким образом, что только при переводе с одного дискретного языка на другой дискретный язык можно говорить о «точном переводе», т. к. в таком случае перевод осуществляется на уровне дискретных знаков. Когда же мы имеем дело с недискретным языком, где главенствует «текст», и где на первом месте структура содержания, где все семантизируется, то и о переводе тут можно говорить только на уровне всего текста. Это функциональный подход, результатом которого будет адекватный перевод.

Такая трактовка подтверждается следующей цитатой:

Невозможность точного перевода текстов с дискретных языков на недискретно-континуальные и обратно вытекает из их принципиально различного устройства: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, то есть отчетливо распадается на знаки. Выделить знак как некоторую исходную элементарную единицу не составляет труда. В континуальных языках первичен текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку. (Лотман 2000с: 572)

Представляется, что здесь содержание понятия «точного перевода» Лотмана близко к тому, что в переводоведении называется «буквальным переводом».¹²

В книге «Внутри мыслящих миров» прежние идеи предстают перед нами в более изысканно-научной формулировке:

вообразим трансформацию типа «сценарий (или художественное словесное повествование) — кинофильм» или «либретто — опера». При трансформациях этого типа текст с определенным количеством координат смыслового пространства превращается в такой, для которого

¹² Здесь уместно привести определение еще одного участника ТМШ, Пеэтера Торопа, который в то время усиленно занимался теорией перевода, разработав оригинальную типологию перевода (на материале именно стихотворного перевода): «Точный перевод является автономным аналитическим перекодированием, т. е. план выражения подлинника является не просто доминантным — им перевод и исчерпывается.» (Тороп 1982: 17).

мерность семиотического пространства резко возрастает. Аналогичное явление имеет место и при превращении словесного (нехудожественного) текста в художественный. Поэтому как между элементами, так и целостностью художественного и нехудожественного текстов невозможно однозначное отношение и, следовательно, невозможен взаимно-однозначный перевод. Возможны лишь условная эквивалентность и различные типы аналогии. (Лотман 1996: 188)

Обозначенные здесь пространственные аналогии начинают играть заметную роль в определении перевода в качестве центрального механизма культуры.

Перевод как основной механизм культуры

Разработка семиотической теории культуры начинается в статьях Лотмана конца 1960-х — середины 1970-х гг. и оформляется в книге «Внутри мыслящих миров» (впервые вышла на английском в 1990 году). Динамику развития лотмановской мысли хорошо описал Игорь Чернов:

Если выход на теорию культуры первоначально был связан с осмыслением механизма функционирования культуры, то в дальнейшем рассмотрение явлений литературы и искусства, быта и поведения через культурологическую призму позволило создать единую концепцию семиотического механизма культуры, ее обобщенную модель. (Чернов 1997 [1982]: 9)

Важной составляющей этой модели становится именно перевод. Сначала он декларируется как аналог типологического сопоставления культур:

[...] типологическое сопоставление представляет собой **аналог акту перевода**: между двумя различными текстами устанавливается эквивалентность и вводятся определенные правила соответствия. (Лотман 2000a [1970]: 455)

В дальнейшем перевод становится аналогом акта коммуникации:

Таким образом, акт коммуникации (в любом достаточно сложном и, следовательно, культурно ценном случае) следует рассматривать не как простое перемещение некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, а как перевод

некоторого текста с языка моего «я» на язык твоего «ты». (Лотман 2000b [1977]: 563)

Исследуя феномен культуры, Лотман выражается более конкретно, утверждая, что именно «структура условно-адекватных переводов может выступать в качестве одной из упрощенных моделей творческого интеллектуального процесса» (Лотман 2000с: 570).

Понятие «условно-адекватного перевода» тесно связано с пониманием мыслящего устройства, которое не «может быть одноструктурным и одноязычным: оно обязательно должно включать в себя разноязычные и взаимонепереводимые семиотические образования» (там же).

Указанная «непереводимость» (которая характеризуется «отсутствием однозначных соответствий»¹³ между элементами структур разных языков (см., напр.: Лотман 2000d: 607)) коррелирует с «переводимостью», результатом которой и является «условно-адекватный перевод»¹⁴. Здесь крайне важно, что «механизм неадекватного, условно-эквивалентного перевода служит созданию новых текстов, то есть является механизмом творческого мышления» (Лотман 2000d: 608). Обращает на себя внимание то, что «адекватность» и «эквивалентность» стали синонимами.¹⁵

¹³ Вместо слова «перевод» тут предлагается использовать слово «трансформация», что косвенно доказывает изменение в понимании содержания понятия «перевод» (если присмотреться, то по сути следующее определение совпадает с тем, как раньше Лотман определял «точный перевод»): «Если между этими языками существует отношение однозначного соответствия, то получившийся в результате перевода T_2 нельзя считать новым текстом. Его вполне можно будет охарактеризовать как трансформацию исходного текста в соответствии с заданными правилами» (Лотман 2000d: 607).

¹⁴ Ср.: «между структурами этих двух языков устанавливаются отношения условной эквивалентности» (Лотман 2000d: 607).

¹⁵ Ср.: «Сущность процесса коммуникации представляется, таким образом, в том, что некоторое сообщение в результате закодирования-декодирования передается от посылающего к получателю. При этом самая основа акта в том, что второй получает то самое сообщение (или полностью ему по некоторым принятым правилам эквивалентное), которое передал первый. Нарушение адекватности выступает как дефект в функционировании коммуникационной цепи.» (Лотман 2000b: 559–560).

В книге «Внутри мыслящих миров» (которая во многом составлена из написанных раньше статей) вновь повторяются пространственные аналогии и подчеркивается творческий характер акта перевода:

Самый факт возможности многократного художественного перевода одного и того же стихотворения различными переводчиками свидетельствует о том, что вместо точного соответствия тексту T_1 в этом случае сопоставлено некоторое пространство. Любой из заполняющих его текстов $t_1, t_2, t_3... t_n$ будет возможной интерпретацией исходного текста. Вместо точного соответствия — одна из возможных интерпретаций, вместо симметричного преобразования — асимметричное, вместо тождества элементов, составляющих T_1 и T_2 , — условная их эквивалентность. [...] Возникающий в этих случаях текст мы будем рассматривать как новый, а создающий его акт перевода — как творческий. (Лотман 1996: 15, 16)

В последней, итоговой книге Лотмана «Культура и взрыв» (1992) «перевод» вновь выступает в качестве основного понятия:

Ситуация, когда минимальной смыслопорождающей единицей является не один язык, а два, создает целую цепь последствий. Прежде всего, сама природа интеллектуального акта может быть описана в терминах перевода, определение значения — перевод с одного языка на другой, причем внеязыковая реальность мыслится так же, как некоторый язык. (Лотман 2000e [1992]: 17)

Интересным и новым здесь оказывается появление «внеязыковой реальности», которая «мыслится так же, как некоторый язык». Далее у Лотмана появляется еще одна «реальность»:

Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводимости. Под этим пластом расположен пласт «реальности» — той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотношенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры. За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка. (Лотман 2000e: 30)

Но и к этой «внешней реальности» имеется доступ в моменты взрыва, и мы опять можем говорить о своеобразном «перевод»:

Итак, внешняя реальность была бы, согласно представлениям Канта, трансцендентальной, если бы пласт культуры обладал единственным языком. Но соотношения переводимого и неперево­димого настолько сложны, что создаются возможности прорыва в запре­дельное пространство. Эту функцию также выполняют моменты взрыва, которые могут создавать как бы окна в семиотическом пласте. (Лотман 2000e: 30)

Центральное понятие семиотики культуры Лотмана — «семиосфера» — также не обходится без перевода:

Структура семиосферы асимметрична. Это выражается в системе направленных токов внутренних переводов, которыми пронизана вся толща семиосферы. Перевод есть основной механизм сознания. Выражение некоторой сущности средствами другого языка — основа выявления природы этой сущности. (Лотман 1996: 254)

Заключение

Можно с уверенностью сказать, что тематика перевода занимала в работах Юрия Михайловича Лотмана важное место уже начиная с его увлечения структуральной поэтикой в начале 1960-х. В 1977 году он выделяет среди прочих роль «художественного перевода»:

Исследования таких, казалось бы, сугубо гуманитарных сфер, как структура художественного текста, механизм **художественного перевода** [выделено мною — С. С.], природа метафорического сознания, с одной стороны, и различных форм семиотического моделирования мира: пространственных, мифологических и прочих моделей — с другой, изучение самой природы семиотического полиглотизма и асимметрии семиотических моделей, создаваемых человечеством на протяжении его истории, приобретают в свете сказанного совершенно новый смысл, включаясь в широкую общенаучную перспективу. (Лотман 2000b: 566)

Итогом этих размышлений стало понимание центральной роли перевода в мыслительной деятельности человека, его коммуникативной ценности:

Мы говорили, что элементарный акт мышления есть перевод. Теперь мы можем сказать, что элементарный механизм перевода есть диалог. Диалог подразумевает асимметрию, асимметрия же выражается, во-

первых, в различии семиотической структуры (языка) участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений. (Лотман 1996: 268)

Перевод осмысливается как основной инструмент семиотического исследования, и применение этого инструмента возможно во многих сферах науки. Например, говоря о возможности исторической науки, Лотман вступает в спор с Коллингвудом, который

предполагает снять антиномию между «миром Феодосия» и «миром историка» путем их полной идентификации. Путь семиотики противоположен: он подразумевает предельное обнажение различий в их структурах, описание этих различий и трактовку понимания как **перевода** с одного языка на другой. [...] Поэтому, в такой мере, в какой инструмент семиотического исследования есть **перевод**, инструментом историко-культурного изучения должна стать типология с обязательным учетом историка и того, к какому типу культуры принадлежит он сам. (Лотман 1996: 383) [Выделено мною — С. С.]

Итак, уже сама постановка Ю. М. Лотманом вопроса перевода (интерлингвистического и интеркультурного/интерсемиотического; точного, адекватного, эквивалентного и т. п.), а также пути разрешения им этого вопроса (вернее, вопросов), с одной стороны, отражают множественность, взаимопереплетение и, отчасти, неразрешимость тех проблем, которые стояли перед Лотманом: «свое» и «чужое», условия коммуникации и возможности диалога и т. д. С другой же стороны — предвосхищают целый ряд актуальных тем и проблем в семиотике перевода¹⁶ последних 15 лет.¹⁷

¹⁶ Ср., напр., содержательную статью Э. Сютисте и П. Торопа, где, в частности, говорится: «Семиотика перевода как часть науки о переводе позволяла рассматривать проблемы переводимости по-новому, начиная с языковой картины мира и кончая функциями переводного текста как текста культуры» (Сютисте, Тороп 2006: 196).

¹⁷ Статья написана при поддержке гранта ETF № 5717 и в рамках работы Центра по теории культуры.

Литература

- Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1998. *Тезисы к семиотическому изучению культур*. (Tartu Semiotics Library 1). Tartu: Tartu University Press, 9–32.
- Гаспаров, Михаил Л. 1994. Предисловие. Лекции по структуральной поэтике. — Кошелев, А. Д. (сост.), *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 11–16.
- 2001 [1975]. Подстрочник и мера точности. — Гаспаров, М. Л., *О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики*. Москва: Азбука, 361–372.
- Ельмслев, Луи 1960. Прологомены к теории языка. — Звегинцев, В. А. (сост.), *Новое в лингвистике*. Вып. 1. Москва: Изд-во иностранной литературы, 264–389.
- Лахман, Рената 1995. Ценностные аспекты семиотики культуры/семиотики текста Юрия Лотмана. — Пермяков, Евгений В. (ред.), *Лотмановский сборник*. Т. 1. Москва: ИЦ-Гарант, 192–213.
- Лотман, Юрий М. 1964. Лекции по структуральной поэтике. Вып. I (Введение. Теория стиха). *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 1. Тарту: Тартуский государственный университет.
- 1972. *Анализ поэтического текста: Структура стиха*. Ленинград: Просвещение.
- 1996. *Внутри мыслящих миров*. Москва: Языки русской культуры.
- 1998 [1970]. Структура художественного текста. — Лотман, Ю. М., *Об искусстве*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 14–285.
- 2000a [1970]. О типологическом изучении культуры. — Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 447–456.
- 2000b [1977]. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. — Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 557–567.
- 2000c [1978]. Феномен культуры. — Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 568–579.
- 2000d [1983]. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект). — Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 603–613.
- 2000e [1992] Культура и взрыв. — Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 12–148.
- Соссюр, Фердинанд де 1977. *Труды по языкознанию*. Москва: Прогресс.
- Сютисте, Тороп = Sütiste, Elin; Torop, Peeter. Processual boundaries of translation. *Semiotica* 163: 187–208.
- Тороп, Пеэтер 1982. Процесс перевода и некоторые методологические проблемы переводоведения. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 15: 10–23.
- Чернов, Игорь А. 1997 [1982]. Опыт введения в систему Ю. М. Лотмана. — Лотман, Ю. М. *О русской литературе*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 5–13.

Якобсон, Роман 1978. О лингвистических аспектах перевода. — *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Москва: «Международные отношения», 16–24.

“Tõlke” mõiste Juri Lotmani töödes

Vaatluse all on “tõlge”, sellega seonduvad ja seda täpsustavad mõisted Juri Lotmani töödes (“ümberkodeerimine”, “täpne tõlge”, “adekvaatne tõlge”, “ekvivalentsus”, “transformatsioon”; muuhulgas tuuakse välja võimalikud seosed Roman Jakobsoni ja Louis Hjelmslevi ideedega). Tuuakse esile kaks põhilist valdkonda, milles “tõlke” mõiste selgelt eristub. Esimene on seotud Juri Lotmani struktuuralse poeetika alaste uurimustega ja siin arutletakse eelkõige kunstiteksti tõlke iseärasuste üle, teine saab alguse kultuuritüpoloogiat käsitlevates artiklites, kus tõlget vaadeldakse kui dialoogi, põhilist kultuuri toimemehhanismi.